

БУРЕВЕСТНИК РЕВОЛЮЦИИ

Борис Ихлов

В литературе, в идеологии традиционным стало противопоставление личности и массы, индивидуальности и толпы. Реальность опровергает это противопоставление: интеллигенция мыслит штампами, как и толпа, усредненными мнениями. До 1991 года интеллигенции невозможно было доказать, что в СССР не так все чисто, газетные декларации противоположны тому, что происходит в стране, Советская власть существует лишь в учебниках, на заводах – эксплуатация, а высшее руководство – антикоммунисты. Интеллигенция проявляла упорную лояльность власти. Однако как только в массовом сознании обозначился 1991 год, те же самые интеллигенты принялись во все легкие критиковать власть – однако отнюдь не с коммунистических, а именно с антикоммунистических позиций.

Немногим отличались рабочие. Шахтеры Кузбасса, проникнутые демократическими идеями, с презрением смотрели на возглавлявшего регион функционера КПСС Амана Тулеева. Но стоило демократическому Кислюку, которого они избрали губернатором Кемерово, развалить и управление угольной отрасли, и городское хозяйство, горняки кинулись из огня да в полымя, вернув на должность главного руководителя того же Тулеева.

То есть: сначала человек смеется на тем, кто объявляет, что дважды два – шестнадцать, когда на самом деле двадцать два. Проходит время, и тот же самый человек начинает ненавидеть тех, кто придерживается версии «двадцать два» и начинают веровать в «шестнадцать».

Оказывается, это традиция. Это можно увидеть на примере смены мировоззрений Максима Горького.

В произведениях Горького часто повторяются одни и те же образы, приемы: во многих пьесах обязательно кто-то тяжело болен и умирает, красивая женщина околдовывает мужчину и т.п. Иные пьесы – часто хаотичны, незавершенны, точнее, завершены наспех, будто писатель копал руду, и пирит есть, и халькопирит – а золота все нет. Бросал штольню, начинал рыть другую. Поиски, наброски. Такovy «Дачники» (1904), «Достигаев и другие», «Фальшивая монета», «Враги». В «Фальшивой монете» героиня кончает жизнь самоубийством» - то же делает героиня в пьесе «Варвары» (1905). Пытается застрелиться и персонаж «Дачников», на высокопарную любовь его, видите ли, не обращают внимания, правда, стреляется безуспешно. Совсем иные, завершенные, цельные, мощные, высокие – «Мещане» (1902), «На дне», «Васса Железнова», «Дело Артамоновых» (1925 год, замысел – с 1900 года), «Детство» (1913), «В людях» (1915), также ранние рассказы «Вывод», «Челкаш», «Коновалов», «Старуха Изергиль», «Двадцать шесть и одна».

Горький мастерски конструирует каскады абсурдных фраз, пустой, но агрессивной демагогии.

- Дважды два – шестнадцать. - Нет, четыре. - Не то, не то говоришь! («Васса Железнова»).

Горький не выискивает, не пытается что-то уловить в течении жизни, чтобы сам материал вывел бы к какой-то мысли, как это делает Кортасар. Он бросает два враждующих класса навстречу друг другу, сталкивает их и без экивоков принимает сторону рабочих.

В его пьесах нет и тени устойчивости, тем более, зрительского удобства, комфорта, его пьесы насквозь продуваемы ветром.

В советских школах обязательным для изучения был роман «Мать», лишенный литературных достоинств. Во многих произведениях Горького звучит схематичная декларация, пьесы, скорее, иллюстративны, нежели созданы по законам жанра, например, в «Булычеве» демонстрируются последовательно вонючая знахарка, дикий прорицатель и злобная монахиня, которых изгоняет Булычев. Но.

Горький не страдает самозначимостью, он не уподобляется современным витиям, которые «я во Вселенной» и «Вселенная через меня». Горький не был знаком с брошюрой Ленина «Партийная организация и партийная литература», однако он, не рассусоливая, безжалостно швыряет свои тексты в топку агитации и пропаганды. Горький не становится на горло своей песне, как сетует Маяковский, он агитирует как дышит.

- Посмотри на себя, жандарм – говорит Горький («Последние», 1908, полицейский Иван Коломийцев).

- Не террорист, но революционер, как и все честные люди России – вдалбливает Горький в пьесе «Последние». В пьесе молодой человек восторгается разговором с большевиком, его мать спрашивает, знал ли большевик, что молодой человек – сын полицейского. Тот отвечает, что знал, и поражается: мать говорит о родстве с полицейским как о непристойной болезни.

- Разве тебе не хочется схватить юдофобу за глотку? – вдалбливает Горький в «Мещанах».

Писатель не сочиняет характеры священнослужителей, образы этих чудовищ таковы, каковы их прообразы. Еще бы – православная церковь затоптала первооткрывателя теории эволюции Карла Рудольфа Вальтера, инквизиция сожгла Джордано Бруно, пыталась Галилея, Кальвина, отмечает Энгельс в «Диалектике природы», сжег Сервета, когда тот вплотную подошел к открытию кровообращения, при этом заставить жарить его живым два часа.

Разбойник покаялся – и тут же прощен, утром бизнесмен грешит – вечером кается, такова мораль религии.

«Раздавите гадину», - пишет Вольтер о церкви, так он заканчивает свои письма к друзьям.

И Вольтер – неутомимый пропагандист, на подпольный книжный рынок Франции каждую неделю попадают дешевые, по 30 су, книжечки с памфлетами, сатирическими миниатюрами.

Горький – не поклонник символов, что иные приписывают Чехову или Бернарду Шоу, хотя оба мастерски владели символикой – посмеиваясь над символизмом.

Его герои – любят, по-настоящему любят, есть в них такое качество – они, даже самые невзрачные и бессмысленные - способны любить. Это не интрижки, не флирт, не декларации, как в фарсе или буффонаде, любовь иных глупа и пуста («Дачники») – но ведь любят. Герои ищут идеал – пустая любовь, но персонаж «Дачников» вразумляет: «Любят – не за что, а просто так». Не за подвиги в честь дамы, не за героические или еще какие благородные и прочее черты характера – любят потому, что любят.

Персонажи пьес Горького способны чувствовать, пусть женщина не любит, но если мужчина, которого она определила в свою собственность, делает оплошность, позволяет себе малейшую близость с другой женщиной, он будет отвергнут, и будут переживания, почти трогательные («Варвары»).

И бог ты мой. Как много пустых, бессмысленных, тупых, пошленьких, гаденьких, скотских людей. Это не выдуманные образы, с каждым Горький так или иначе соприкасался. Как много. Как в романе «Мастер и Маргарита». Как сегодня в России.

Персонажи пьесы «Последние» настолько ярки, что с первых минут захватывают зрителя, заставляют его стать их врагами или друзьями. В ответ на натиск злого, подлого, черного мира рушащейся империи что бы вы хотели? – Стрелять!

«Последние» до самой развязки держат в напряжении, хотя развязка скомкана, кульминация – слабая. Да, иллюстрации – но какова фактура, насколько мощны иллюстрации Горького! Ни один европейский или американский драматург не сравнится с Горьким в выпуклости, сочности, колоритности образов, даже в незавершенных пьесах. Кто еще до 1917 года ввел в свои пьесы образы большевиков? - «Враги», 1906.

В 1899 году Горький публикует повесть «Фома Гордеев», пишет, что хотел бы нарисовать «содержательную картину современности», где «должен бешено биться энергичный здоровый человек, ищущий дела по силам, ищущий простора своей энергии. Ему тесно».

В 1907-м Горький заканчивает «Жизнь ненужного человека» о провокаторе охранного отделения Климове, «о постепенном угасании мелкой души, сливающейся с «настойчиво ожидающей пустотой». Да, это агитация, но и пустота - как сценический образ.

Вот что важно: **лейтмотив многих произведений Горького – безысходность.** Он шаг за шагом внушает: так жить нельзя. Этот мир должен быть взорван – но взрывать некому. В «Дачниках», в «Варварах», в «Чудаках», в «Последних» (1908) - некому.

Та же безысходность, что в 80-х – мир науки без горения, без страсти к науке.

Этот мир должен был взорваться. А мир просто рухнул.

И та же безысходность – в пореформенной России, в этот черный буржуазный мир нужно стрелять, но стрелять некому, те, кто мог стрелять, погибли в Донбассе.

«Варвары».

Павлин. Я со всеми людьми желаю дружно жить...

Инженер Цыганов. Вам угодно что-нибудь от меня?

Мещанин Павлин Головастиков. Точно так. Вот сочинение мною написано... и как вы человек ученый, то желал бы я знать ваш взгляд, о чем и прошу вас усердно. Называется оно: «Некоторое рассуждение о словах, составленное для обнажения лжи бескорыстным любителем истины»... Девять лет писал...

Цыганов (берет тетрадь). О чем же вы здесь рассуждаете?

Павлин. Против новых слов я... Как поступки человеческие остались с древности неизменны, а названия им даны другие, то я и противоречу этому... Вообще – против новых слов.

Цыганов. Что такое – новые слова?

Павлин. Например: раньше говорилось – ябеда, а теперь говорят – корреспонденция...

Купец Притыкин. Это он про то, как его в газете обругали за донос на учителя...

Мало ли таких ныне в России? Вот образчик, некий Предтеченский, числит себя марксистом, у него – «план спасения Мира», можете почитать в интернете. Ущемленность и поприанность – вот что движет людьми.

«Дачники». Русская интеллигенция. Горький презирает это сообщество, с его стишками, с его обывательщиной, возведенной в философию.

«Чудаки»: мерзейший писака, который считает, что он писатель, изменяет своей жене, лжет ей, витиевато лжет – зачем тратит силы? Он таким способом издевается над женой, унижает ее – ведь она знает, что он изменяет, и он знает, что она знает. Но если не так, то лживая чепуха – это нормальное состояние его души. Но и его жена, Лена, которая ему всё прощает – тоже фикция. И доктор, который влюблен в эту фикцию – тоже фикция. Как писатель – фикция. Все персонажи фиктивны. Они чудаки, чужие, чуждые зрителю.

И всё общество вокруг – не в силах противостоять этой лжи.

1905 г., в сентябре Горький пишет: «... очень много сознательной силы и даже — такта» толпы, возмущенной незаконным поведением офицера на улице Петербурга. О похоронах убитого большевика Баумана: «... нечто изумительное, подавляющее, великолепное» по красоте, величю и «по порядку, который охранялся боевыми дружинами». О декабрьском восстании: «Рабочие ведут себя изумительно! ... Деловито, серьезно - в деле - при стычках с конниками и постройке баррикад, весело и шуточно в безделье. Превосходное настроение!»

Январь 1906 г., объединяет: «республиканские стремления революционного пролетариата и интеллигенции» как «единственное культурное течение, способное спасти страну от анархии».

Конец 1906 г.: «...каждый день все более убеждает меня в близости революции всемирной».

Апрель-май 1907 г.: присутствует на V съезде РСДРП, знакомится там с Лениным.

Февраль 1912 г.: «Россию изучать надо? ... Очень пора и надобно ее изучать с корней, имея в виду не вопрос - какова она? - а вопрос - почему она такова?»

Горький прекрасно знал полемику меньшевиков и большевиков, он, как и меньшевики, как и большевики, прекрасно знал, что Россия едва начала восхождение на вершину капитализма, что Россия – отсталая, аграрная, полуфеодалная страна, не готовая к социалистической революции.

Что произошло, почему Горький, который в своих произведениях превозносил рабочих, грамотных, умных, отважных, и показывал бесплодие и ничтожество интеллигенции, вдруг начал яростно защищать интеллигенцию и указывать, что такое народные низы?

И что произошло в душе горького после смерти Ленина, когда он снова совершил поворот на 180 градусов?

Он не понимал, что революция терпит поражение. Не понимал причин поражения. Он считал, что в поражении виновны большевики. В 1924 году он понял причины, понял правоту Ленина.

«Жизнь Клина Самгина» - не сага, не сериал, это суть интеллигенции и судьба и революции, уже к концу 20-х потерпевшей поражение, когда поднялась такая волна крестьянских восстаний, что и в

страшном сне не привиделась царской России. Это сама история. Это развернутые в пространстве и времени «Несвоевременные мысли».

В этом сборнике публицистических статей («Новая Жизнь» № 59, 27 июня (10 июля) 1917 г.) Горький поминает «трупный яд монархии», списки большевиков из числа секретных сотрудников охраны. Пишет о попойке после разгромов винных погребов, о ежедневном кровавом самосуде, о грабеже красноармейцами крестьян.

Да, Горький понимает и социализм, и революцию романтически. Столкнувшись не с социализмом, а с революцией, он ужасается, пишет, что это «русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии». Но.

«... Война оценила человека дешевле маленького куса свинца... Солдаты ведут топить в Мойке до полусмерти избитого вора, он весь облит кровью, его лицо совершенно разбито, один глаз вытек. Его сопровождает толпа детей; потом некоторые из них возвращаются с Мойки и, подпрыгивая на одной ноге, весело кричат: — Потопили, утопили!

... Вот, ощетинаясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик-автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии». Среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически: — Социальная революция, товарищи!»
Вам, живущим в пореформенной России, это ничего не напоминает?

Оппоненты Горького, которых он упоминает в «Несвоевременных мыслях» - глупые и дикие животные. Горький пишет о людях, которые отвергают культуру.

Вам, живущим в пореформенной России, знающим, что такое интернет – это ничего не напоминает?

Горький пишет о необходимости для революционной демократии «принять деятельное участие в организации экономической силы страны, в развитии производительной энергии России, в охране ее свободы от всех посягательств извне и изнутри». И Ленин утверждает план ГОЭЛРО, Троцкий создает Красную Армию (сталинисты пытаются оспорить этот факт).

«Знание должно быть демократизировано, его необходимо сделать всенародным», - пишет Горький, и большевики организуют ликбез.

«Убийство и насилие — аргументы деспотизма», - пишет Горький. И наивные большевики отпускают под честное слово атамана Краснова, суровый пролетарский трибунал выносит графине Паниной, укравшей доверенные ей общественные деньги, «общественное порицание».

Горький пишет об отсутствии культуры у гегемона – и Ленин громит «Рабочую оппозицию».

«... крестьянин Пермской губернии, — прислал мне письмо... : «... Разве не страшно становится, когда видишь, как великое, святое знамя социализма захватывают грязные руки, карманные интересы?.. крестьянство, жадное до собственности, получит землю и отвернется... Партийный работник, студент с.-д, откровенно заявляет, что он теперь не может работать в партии, так как на службе получает 350 р., а партия не заплатит ему и 250. Сто рублей он, пожалуй, уступил бы ради „прежнего“ идеализма... Солдаты охотно становятся под знамя „мир всего мира“, но они тянутся к миру не во имя идеи интернациональной демократии, а во имя своих шкурных интересов: сохранения жизни, ожидаемого личного благополучия... Окаянная война истребила десятки тысяч лучших рабочих, заменив их у станков людьми, которые шли работать «на оборону» для того, чтоб избежать воинской повинности. Все это люди, чуждые пролетарской психологии, политически не развитые, бессознательные и лишенные естественного для пролетария тяготения к творчеству новой культуры, — они озабочены только мещанским желанием устроить свое личное благополучие как можно скорей и во что бы то ни стало. Это люди, органически неспособные принять и воплотить в жизнь идеи чистого социализма». Повышение зарплаты – обычное и не такое уж страшное требование профсоюзов. Но деньги, которые большевики поначалу хотели отменить? А тут зарплата. И Ленин вводит НЭП.

Ленин не визжит подобно французским левакам в 1968-м «Требуйте невозможного!» И Россия видела таковых в лице анархистов и троцкистов. Ленин материалист. Он следует законам материи, а не

пытается навязать материи идею сверху, извне. Задача коммунистов, пишет Маркс, облегчить обществу муки родов. Нынешние левые и сталинисты вместе с правыми либералами и центристами-консерваторами желают рожать за общество.

Сам же Горький – идеалист. И согласен с этим. Он пишет о каком-то «чистом социализме». По его мнению, настоящий революционер, «воплощая в себе революционное Прометеево начало, является духовным наследником всей массы идей,двигающих человечество к совершенству». Горький следует Эдуарду Бернштейну, который провозгласил привнесение политической идеи в темную, косную, инертную материю рабочего класса, ограниченного «экономизмом». Горький сожалеет, что у Ленина и Троцкого «позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия». Демократия у Горького – это идея, никак не демос, тем более не кратос. Какая же может быть свобода слова для заводских рабочих или крестьян? Она только для интеллигенции...

Идеалист – но тут же становится материалистом:

«Было очень удобно верить в исключительные качества души наших Каратаевых — не просто мужики, а всечеловеки! Глеб Успенский «Властью земли» нанес этой вере серьезный удар, но верующие не заметили его. Чехов... показал нам «Мужиков» в освещении еще более мрачном, — его поругали за неверие в народ. Иван Бунин мужественно сгустил темные краски — Бунину сказали, что он помещик и ослеплен классовой враждой к мужику. И, конечно, не заметили, что писатели-крестьяне — Ив. Вольный, Семен Подъячев и др. — изображают мужика мрачнее Чехова, Бунина и даже мрачнее таких уже явных и действительных врагов народа, как, например, Родионов, автор нашумевшей книги «Наше преступление»... Хороший честный мастер, прежде чем сделать ту или иную вещь, изучает, знает материал, с которым он хочет работать».

Горький поражается, как из мужиков, из солдат, из матросов вдруг вырастают буржуа: «социализм родил буржуя!»

Так ведь и не могло быть по-другому. Потому что социальное противоречие не разрешается путем уничтожения одной из его сторон – буржуазии. Потому что сохраняется обезличивающий абстрактный труд рабочего, который по Марксу и создает стоимость, сохраняется старое общественное разделение труда, делящее общество на классы. Поэтому другая сторона противоречия, трудящиеся, воссоздаст первую из своей собственной среды. Что и стало явным в 1991 году.

«Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото»... он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт», - сетует Горький.

Горький ошибается. Революции – закономерность истории, но миф об эксперименте над обществом и в 90-е, и в новом тысячелетии будет повторяться и повторяться.

Горький дважды ошибается.

«Нужны вожди, которые не боятся говорить правду в глаза», - пишет Горький. И Ленин в 1919 году на съезде земледельческих коммун прямо говорит, что «едва ли внуки увидят социализм».

Разве Максим Горький, близкий Ленину не знал позицию и меньшевиков, и большевиков, что Россия едва начала восхождение по капиталистическому пути, разве он не знал, что Россия не созрела для социалистической революции?

«Я защищаю большевиков? Нет, я, по мере моего разума, борюсь против них...» - восклицает Горький. Однако после смерти Ленина резко меняет свое мнение.

Потому что сначала не понимает, что революция терпит поражение.

«Некий почтенный гражданин пишет мне ... Довольно командовала нами интеллигенция, теперь, при свободе прав, мы и без нее обойдемся».

Тут речь не об интеллигенции.

«... вы живете в стране, где 85% населения - крестьяне, и что вы среди них маленький островок среди океана, что промышленность в России развивается медленно и количественный рост рабочего класса затруднен. Вы одиноки...»

Горький описывает бессмысленность мировой войны, при этом указывает на зверства, которые чинят рядовые немецкой армии на территории России. Из этого следует, что революция в Германии была обречена на поражение.

Горький описывает факты агрессивного бескультурья. Он знает Россию. Из этой агрессии неопровержимо следует, что ни о какой солидарности рабочих и речи нет. И Ленин знает Россию, Ленин подчеркивает безграмотность рабочих.

Диктатура пролетариата, объясняет Ленин, это не только и не столько подавление эксплуататорских классов, сколько способность рабочего класса взять в свои руки экономику всей страны. О том же пишет Плеханов. Из этого неопровержимо следует, что диктатура пролетариата в России была обречена на поражение.

Но ни Горький, ни Ленин не ожидали, не могли предвидеть размах агрессивного бескультурья, когда свободу слова предоставили не просто сочинителям просоветских песенок, Жарову и прочим, о бездарности которых писали Горький и Маяковский, а массам.

«Великие люди... во Франции просвещали головы для приближающейся революции», - пишет Энгельс (Соч., М.: 1955-1978, Т. 20. С. 17). Настал момент – и каждый в одночасье почувствовал себя великим. Без всякого разрешения противоречия между трудом умственным и физическим...

Вы и сегодня - островок среди океана невежества, упорного в своем невежестве, океана наглости, жадности и кретинизма. Интернет предоставил возможность увидеть, сколько их, сколько.

Даже современная мировая буржуазия не ожидала, хотя всегда готова насаждать в массовом сознании нелепые мифы. Когда грянула пандемия, буржуазия получила невежество масс бумерангом, неграмотные массы восстали против прививок, и буржуазия теряет прибыли.

В пьесах «Достигаев и другие» (1932) и «Егор Булычев и другие» (1931) Горький неожиданно возвращается к собственным дореволюционным взглядам. «Воровать – дело законное». «Рубль – сам по себе главный вор», - говорит Булычев. Откуда эта апелляция к отмене денег? Кавалерийская атака на капитал потерпела крах, Ленин вводил НЭП – неужели Горький не в курсе?

«... ежели украл да на церковь дал, так ты не вор, а – праведник».

Если всё в воле господина – значит, в воле господина и то, что человека соблазняет дьявол. Значит, в этом деле бог и дьявол – компаньоны, усугубляет Горький мысль Хайяма.

Поп читает Библию, как Христос останавливают солнце: «И встань Солнце посреди небес и идяше на запад...» Булычев: «Это сказка, Солнце не остановишь, врете».

Просвещенный разум не может «поверить в химерическую историю обоих заветов, в священные сны безумных мистиков, набожных бездельников и нелюдимов» (Вольтер).

И, после защиты интеллигенции в «Несвоевременных мыслях» - снова ополчается на нее и бьет точно в цель: «Мы, интеллигенция, являемся единственными достойными преемниками власти» - говорит никчемный, ничтожный персонаж. Разве это не современно?

Наступит день, и Горький напишет:

«Досужий механик подсчитал, что ежели обыкновенную мерзкую блоху увеличить в сотни раз, то получается самый страшный зверь на земле, с которым никто уже не в силах был бы совладать. При современной великой технике гигантскую блоху можно видеть в кинематографе. Но чудовищные гримасы истории создают иногда и в реальном мире подобные преувеличения... Сталин является такой блохой, которую пропаганда и гипноз страха увеличили до невероятных размеров».

Получается, эсерка Каплан стреляла не в того.

Но эпоха революций не закончена. В начале XVIII столетия, когда Людовик XIV сделал из французской литературы служанку, ничто не предвещало эпоху Вольтера, перешагнувшую буржуазные революции. Начало XX столетия – крушение старого мира, взлет, в науке, в живописи, в поэзии, в литературе. Горький – видел небо. Вам – не увидеть его так близко. Эх, вы, бедняги.

Декабрь 2021 – январь 2022